

Б.А. Гиленсон

Э. ХЕМИНГУЭЙ И Л. ТОЛСТОЙ

На рубеже XIX–XX веков рецепция русской классики в США приобрела такую интенсивность, что получил бытование термин «русское вторжение». И.С. Тургенев, а после него Л.Н. Толстой оказали благотворное воздействие на Э. Хемингуэя.

Ключевые слова: Э. Хемингуэй; Л.Н. Толстой.

У Леонида Андреева есть рассказ «Смерть Гулливера»: пока был жив Гулливер, лилипуты слышали, как стучит его сердце. Пока был жив Толстой, люди во всём мире прислушивались к его сердцебиению, к пульсации его неутомимой мысли и были горды от сознания того, что он — их современник. Когда 100 лет назад прервался его путь, люди в разных уголках земного шара испытали потрясение. Гений при жизни, он занял одно из первых мест в пантеоне мировой литературы. А прошедшее столетие лишь подчеркнуло живую актуальность, общечеловеческое значение его художественного наследия.

Тема мирового значения Толстого обширна и многоаспектна, она включает в себя пласты разных национальных литератур и разработана далеко не в полной мере [4]. Трудно назвать такого большого художника Запада, представляющего то или иное эстетико-философское и художественное течение, который не высказался бы о Толстом самым лестным образом, не видел бы в нём примера и источника вдохновения, не опирался бы на его текст или не испытал бы его плодотворного влияния. Это Роллан и Томас Манн, Гауптман и Стриндберг, Шоу и Уэллс, Пруст и Джойс, Драйзер и Фолкнер, Мартен дю Гар и Франс, Гессе и Мориак.

Особую роль играл Толстой в истории литературы США [2]. В 1870–1880-е годы США пережила то, что критики образно называли «русским вторжением» (Russian invasion). Речь шла об открытии русской литературы, об имевших огромный успех переводах сначала Тургенева, а потом Толстого и Достоевского, а несколько позднее Чехова. На исходе XIX столетия в литературе США происходило, в нелегких условиях, становление реализма и натурализма. Этим процессам противодействовали влиятельные сторонники охранительной «традиции утончённости» (genteel tradition), поборники пуританизма, украшательства, противники «искусства жизненной правды, утверждавшие, что контрасты и конфликты в Европе и России якобы чужды США, а её писателям следует изображать «более улыбочатые» (more smiling) стороны американской действительности. В этих условиях пример русских

классиков, прежде всего яснополянского гения с его художественной мощью, беспощадным реализмом, духовной независимостью и поистине пророческим пафосом, был своеобразной нравственной и эстетической опорой в утверждении нелицеприятной художественной правды.

Немалую роль Толстой сыграл в художественном развитии Эрнеста Хемингуэя (1899–1961). В начале 1920-х годов Хемингуэй открыл для себя мир русской литературы. В библиотеке Сильвии Бич он прочитал Тургенева, Гоголя, Чехова. В этот период особое место среди «русских симпатий» Хемингуэя занимал Тургенев, которого он считал величайшим из писателей. Хемингуэй высоко ценил «Записки охотника» за прекрасные описания охоты и картины степей. Ему был близок тургеневский принцип изображения внутреннего психологического состояния героя через детали, относящиеся к его портрету, внешнему облику, поведению. Это был хемингуэевский принцип объективности, исключая «указующий авторский перст». Каждая седьмая книга, которую он брал в библиотеке Сильвии Бич, была сочинением Тургенева [7].

В 1930-е годы, по мере расширения творческого кругозора Хемингуэя и определённой трансформации, обогащения художественной манеры автора «Записок охотника» начинает «вытеснять» Толстой. В романе «Прощай, оружие» (1929) Хемингуэй ярко и весомо продолжил ту реалистическую традицию батальной прозы, у истоков которой стоят Стендаль, Л. Толстой, Э. Золя («Разгром») и А. Барбюс («Огонь»). Многоопытный редактор Хемингуэя М. Перкинс, горячий поклонник Толстого, склоняет близких ему авторов изучать творчество автора «Войны и мира». Позже, в антологии «Люди на войне» (1942), в которой собраны лучшие образцы батальной прозы всех времён и народов, Хемингуэй писал: «Показ действий Багратионова арьергарда — это лучший и правдивейший отчет о подвиге действиях из всех, какие я когда-либо читал; изображая происходящее в сравнительно небольшом масштабе, позволяющем обозреть целое, он даёт четкое понимание того, что собою представляет битва, какое еще никем не было превзойдено. Я предпочитаю это изображению Бородинской битвы, как бы оно ни было величественно...» [8: р. XVII].

В книгах Хемингуэя 1930-х годов, в его интервью и письмах встречаются меткие замечания, связанные с чтением Толстого. Известно, что Хемингуэй, относясь к себе с суровой требовательностью, не страдал заниженной самооценкой. Любитель торга, он иногда вносит в отношения с писателями дух очевидной конкуренции, хотя и объективно воздавая каждому из них. Он даже представлял свои состязания с классиками в виде поединков на боксёрском ринге. Лириан Росс в очерке «Портрет Хемингуэя» цитирует его слова: «Для начала я преспокойно побил бы господина

Тургенева. Потом, усиленно потренировавшись, побил бы мсье Мопассана. Я провел бы две ничьих со Стендалем, но мне кажется, что во второй встрече я имел бы преимущество. Никто не заставит меня выйти на ринг против Толстого, если я только не сойду с ума» [5: с. 374–375].

В книге «Зеленые холмы Африки» (1933) Хемингуэй вспоминает свои ощущения после прочтения повести Толстого: «Я прочел “Казакки” — очень хорошую повесть. Там летний зной, комары, лес — такой разный в разные времена года, и река, через которую переправлялись татары, и я сам жил в тогдашней России» [5: р. 109]. Думается, что Толстой был близок Хемингуэю как художник, исполненный абсолютной независимости, качества, являвшегося едва ли не стержнем его индивидуальности. Оба отстаивали свой особый уклад и стиль жизни. «Яснополянский мудрец» чурался официального Петербурга. Оставив в конце 1920-х годов Париж, Хемингуэй также жил на отшибе от литературных центров, сначала во Флориде, а потом на Кубе. Обоих писателей сближал и своеобразный руссоизм, культ первозданной природы, простого, «естественного» человека. Толстой воспевал трудолюбие, высокие нравственные качества русского хлебороба-труженика; Хемингуэй — испанского крестьянина Ансельмо и увековечил в повести «Старик и море» кубинского рыбака Сантьяго.

Оба писателя, сталкиваясь с властью имущими, отвергали любую форму официальной опеки. Известны острые инвективы Толстого против самодержавия, чиновно-бюрократической верхушки. Конечно, Хемингуэй был и художником иного масштаба, и творил в совершенно иных социально-политических условиях, но и для него, американца до мозга костей, государство и власть нередко ассоциировались с посягательством на личную и творческую свободу. Так, в письме к И. Кашкину он высказывал убеждение, что хороший писатель никогда не будет доволен существующим правительством. У нас это суждение Хемингуэя не только не афишировалось, но прямо осуждалось как проявление «анархических» настроений.

Хемингуэй притягивал к Толстому его интерес к глубинным нравственно-этическим проблемам человеческого бытия. Как и Толстой, Хемингуэй постоянно размышлял над проблемой смерти, которая настойчиво, порой мучительно овладевала им. Не раз возвращался Хемингуэй и к судьбе художника слова, который подвергся искушению богатством и растерял, растратил свой талант. Этому посвящена его «африканская» новелла «Снега Килиманджаро». Возможно, сюжет, форма, позволившие реализовать этот замысел, были подсказаны Хемингуэю чтением толстовской повести «Смерть Ивана Ильича».

В повести Толстого и новелле Хемингуэя воплощен целый ряд типологически сходных мотивов. Оба героя, и толстовский Иван Ильич, и хемингуэевский писатель Гарри, предали себя во имя комфорта, материального благополучия. Оба ненавидят своих жён, олицетворяющих те ценности, от которых они готовы откеститься. Оба показаны в «момент истины», перед лицом смерти. Хемингуэй, вслед за Толстым, используя приём внутреннего монолога, заставляет своего героя вспомнить своё прошлое и по-новому его оценить. И Иван Ильич, и Гарри пытаются уйти от ужаса небытия, мысленно воскрешая светлые стороны своей жизни, оба раздираемы и жалостью к себе, и самоосуждением, оба отказываются от ложных фетишей прошлого. И оба, в конце концов, выносят себе приговор.

Еще не завершилась война в Испании, а критики задавались вопросом, кто из здравствующих писателей способен лучше всех написать о ней. Мнения были единодушны: Хемингуэй. Но Хемингуэй не мог приступить к работе, пока в трагедии не была поставлена последняя точка! Он не раз говорил, что ни о чем не пишется столько неправды, как о войне. Но не только цензура довлела над Хемингуэем. Нелицеприятная правда, касающаяся подлинной военной ситуации, а также ошибок республиканцев, могла бы повредить делу антифашистской борьбы. Нужна была историческая дистанция, чтобы оценить происшедшее. Когда Республика пала, Хемингуэй сел за роман, поскольку откладывать работу на долгий срок в тех исторических условиях было нельзя.

У Толстого Хемингуэй находил беспощадную правдивость. Но художественная методология этих авторов имела существенные различия. Толстой в «Войне и мире» даёт широкую панораму Бородинского сражения. Хемингуэй в романе «По ком звонит колокол» стремился показать большое через малое: Пабло, партизаны — это микромир Испании, и одновременно средоточие проблем испанской войны. У Хемингуэя *эпос особого рода — лирический*. «Я хочу писать его (т.е. «Колокол») в духе Толстого, добиваться того, чтобы книга стала объёмнее и мудрее и всё такое прочее», — говорил Хемингуэй [6].

Хемингуэй полагал, что писатель не должен прямо комментировать происходящее, что-то разъяснять читателю, а объективно представлять событие, эпизод, характер через внешность, облик, портрет, поведение. Он — и в том с ним были солидарны некоторые другие художники Запада — не принимал «тяжеловесные рассуждения», философские отступления в «Войне и мире», что, по его мнению, было неорганично для художественной ткани этого великого произведения. Герой романа Джордан значительно интеллектуальнее, духовно богаче его прежних персонажей, порой нарочито сдержанных в выражении своих мыслей и чувств. Об-

ширный пласт внутренних монологов Джордана (а в них порой слышится голос самого Хемингуэя) содержит открытые нелицеприятные оценки войны, республиканцев, критические выпады против коммунистов, что, в частности, было причиной купюр в русском переводе романа.

Подобно Толстому, Хемингуэй стал классиком при жизни. Как личность, он притягивал внимание, наверно, в неменьшей мере, чем художник слова. Как когда-то в Ясную Поляну, в его дом в Ки Уэсте, а потом на Кубе приезжали читатели, интервьюеры. Хемингуэй был писателем-мифом, легендой, и к созданию этого «имиджа» он также приложил руку. Его самоубийство 2 июля 1961 года, ошеломившее всех, как когда-то кончина Толстого, при всей разномасштабности этих фигур, вызвала всемирный резонанс. На неё отозвались не только писатели, но и папа Иоанн XXIII, Н.С. Хрущёв, президент Кеннеди.

Литература

1. Гиленсон Б.А. Русско-американские литературные связи / Б.А. Гиленсон // История США: в 4-х тт. – Т. 3. – М.: Наука, 1985. – С. 498–524.
2. Гиленсон Б.А. Эрнест Хемингуэй / Б.А. Гиленсон. – М.: Просвещение, 1991. – 190 с.
3. Гиленсон Б.А. «Я един со всем человечеством»: Роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» / Б.А. Гиленсон. – Орехово-Зуево, 1993. – 180 с.
4. Мотылёва Т.Л. О мировом значении Л.Н. Толстого / Т.Л. Мотылёва. – М.: Советский писатель, 1957. – 725 с.
5. Хемингуэй в воспоминаниях современников / Сост., вступ. ст. Б.Т. Грибанова. – М.: Художественная литература, 1994. – 625 с.
6. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / Э. Хемингуэй; предисл. и коммент. Б.А. Гиленсона. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 667 с.
7. Lynn K. Hemingway / K. Lynn. – L.: Simon and Schuster, 1987. – 702 p.
8. Men at War. The Best Stories of All Times / Ed. with an Introduction by P. Hemingway. – NY, 1955. – 524 p.
9. Meyers J. Hemingway: A biography / J. Meyers. – NY.: Harper and Row, Pube, 1985. – 644 p.

B.A. Gilenson

E. Hemingway and L. Tolstoy

On the verge of XIX–XX centuries the perception of Russian classics in the USA became so intensive that it led to appearance of the term «Russian Invasion». The works of I.S. Turgenev and after him L.N. Tolstoy produced a positive influence on E. Hemingway.

Key words: E. Hemingway; L.N. Tolstoy.